

Пролог

Тристан

2 апреля 2014 года

— Ты ничего не забыл? — спрашивает Джейми.

Она стоит в прихожей дома моих родителей. Прекрасные синие глаза улыбаются, словно напоминая, как же мне повезло называть эту девушку своей.

Я подхожу и обнимаю ее, притянув ближе к себе.

— Да. По-моему, это оно, детка. По-моему, это наш шанс.

Она обвивает руками мою шею и целует меня:

— Я так горжусь тобой.

— *Нами*, — исправляю я ее.

После стольких лет мечтаний моя цель — создавать и продавать мебель ручной работы — наконец-то воплощается в жизнь. Отец, мой лучший друг и партнер по бизнесу, и я — мы оба на пути в Нью-Йорк, на пути к встрече с парой бизнесменов, которые проявляют интерес к сотрудничеству с нами.

— Без твоей поддержки я бы ничего не добился. Это шанс получить все, о чем мы мечтали.

Она снова целует меня.

Я никогда не думал, что смогу полюбить кого-то настолько сильно.

— Прежде чем ты уйдешь, думаю, ты должен знать, что мне позвонила учительница Чарли. У него снова неприятности в школе, хотя это неудивительно, учитывая, насколько он похож на отца.

Я усмехаюсь:

— И что же он натворил на этот раз?

— Миссис Харпер сказала, что он заявил девочке, которая смеется над его очками, что надеется, она подавится огромной жабой, потому что она сама выглядит как жаба. Подавится жабой, ты можешь себе представить?

— Чарли! — зову я в сторону гостиной.

Чарли выходит к нам, не отрываясь от книги. Он не надел очки, которые, я знаю, ассоциируются у него только с издевками одноклассников.

— Да, пап?

— Ты действительно сказал девочке, чтобы она подавилась огромной жабой?

— Ну да, — говорит он, словно это само собой разумеется. Для восьмилетнего он на удивление мало переживает, что родители устроят ему втык.

— Приятель, нельзя заявлять такие вещи.

— Но она выглядит как уродливая жаба, пап! — отвечает он.

Я вынужден резко отвернуться, чтобы не рассмеяться:

— Ладно, парень, подойди и обними меня.

И он крепко меня обнимает. Я ужасно боюсь того дня, когда ему перестанут нравиться объятия его старика.

— Веди себя хорошо с мамой и бабушкой, пока меня не будет, ладно?

— Ага, конечно.

— И верни очки на нос, пока читаешь.

— Зачем?! Они дурацкие!

Я наклоняюсь и стучу его по носу:

— Настоящие мужчины носят очки.

— Ты не носишь, — хнычет он.

— Ладно, бывают настоящие мужчины, которые обходятся без них. Просто надень их.

Он что-то ворчит, прежде чем удалиться и продолжить чтение. Меня страшно радует тот факт, что он больше читает, чем рубится в приставку. Любовь к книгам перешла к нему от матери-библиотекаря, но мне нравилось думать, что то, что я читал ему, когда он был еще в животе, тоже связано с его любовью к книгам.

— Какие у вас, ребята, планы на сегодня? — спрашиваю я.

— После обеда собирались на фермерский рынок. Твоя мать хочет присмотреть новые цветы и что-нибудь полезное для Чарли. О, кстати, Зевс пожевал твою пару «найков», так что собираюсь присмотреть что-нибудь новенькое и для тебя.

— Господи, напомни мне, кому в голову пришла идея завести собаку?

Она смеется:

— Это твоя вина. Я изначально была против, но ты не смог отказать Чарли. У тебя и у твоей матери куда больше общего, чем ты думаешь.

Она снова целует меня, прежде чем потянуть ручку чемодана вверх.

— Отличной поездки, и пусть наши мечты наконец-то сбудутся.

Я прижался губами к ее губам и улыбнулся:

— Когда я вернусь домой, я создам здесь библиотеку твоей мечты. С высоченной лестницей и всеми этими библиотечными штуками. Потом я займусь с тобой любовью где-то между «Одиссеем» и «Убить пересмешника».

Она прикусывает нижнюю губу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Позвони мне, когда самолет приземлится, ладно?

Я киваю и выхожу из дома: отец уже ждет меня в такси.

— Эй, Тристан! — зовет Джейми, пока мы загружаем чемодан в багажник. Чарли стоит рядом с ней.

— Да?

Они складывают ладони рупорами и кричат:

— МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ!

Я смеюсь и кричу им в ответ те же слова.

В самолете отец без конца повторяет, что это прекрасная возможность для нас обоих. В Детройте, после нашего приземления, мы оба включаем мобильные телефоны, чтобы проверить почту и сообщить маме и Джейми, что мы в порядке.

Мы включаем мобильные, и у каждого из нас куча непрочитанных писем от мамы — и именно в этот момент я начинаю чувствовать неладное. Сообщения заставляют все внутри похолодеть. Я чуть не роняю телефон, когда читаю:

Мама: Произошел несчастный случай. Джейми и Чарли в тяжелом состоянии.

Мама: Возвращайтесь домой!

Мама: Быстрее!

И в это мгновение я понимаю, что моя жизнь переворачивается с ног на голову.

Глава 1

Элизабет

3 июля 2015 года. Джеймсвилль, Висконсин

Каждое утро я читаю любовные письма, написанные для другой женщины. Да, у нас с ней много общего: карие глаза, светлые волосы. У нас с ней тихий смех, набирающий силу лишь в компании людей, которых мы любим. Она словно улыбается правым уголком рта и кривит левый — те же движения повторяют мои губы.

Я нашла эти письма в мусорном ведре, в жестяной коробке в форме сердца. Их сотни — длинные и короткие, наполненные счастьем и душераздирающей тоской. На них стояли даты, уходящие в далекое прошлое, — некоторые написаны намного раньше моего появления. На одних стояла подпись «К. Б.», а на других — «Х. Б.».

Интересно, что почувствовал бы отец, узнай он, что мама избавилась разом от всех писем.

С другой стороны, в последнее время мне с трудом верилось, что она — все еще тот человек, который писал это.

Цельный.

Наполненный.

Будто часть чего-то божественного.

Не так давно она стала абсолютной противоположностью всего этого.

Разбитая.

Пустая.

Одинокая.

Она стала шлюхой после смерти отца. Выбор был невелик. Это произошло не сразу, хотя сплетница мисс Джексон, живущая ниже по улице, рассказала каждому, у кого были уши, что мама раздвигала ноги, даже когда отец был жив. Уж я-то знала, что это не так, потому что еще с детских лет помню, как она смотрела на него. Такой взгляд предназначен только для одного-единственного человека на свете. Когда на рассвете он уходил на работу, завтрак и обед уже были упакованы вместе с легкой закуской для ланча. Отец часто жаловался, что успевает проголодаться между завтраком и обедом, и мама была уверена, что должна дать ему с собой как можно больше еды.

Отец был поэтом и преподавал в университете, что в часе езды от нашего дома. Неудивительно, что эти двое обменивались любовными письмами. Слова были тем, что отец

добавлял в кофе утром и бросал в виски вечером. Мама не была так же сильна в поэтике, но все равно писала о своих чувствах в каждом письме.

Каждое утро, когда отец выходил из дома, мама улыбалась и напевала себе под нос, убираясь в доме и собирая меня в школу. Она постоянно говорила о нем — что скучает и до вечера напишет ему много любовных записок. Когда вечером он возвращался, мама неизменно наливала по бокалу вина, пока он напевал свою любимую песню, целовал ее запястье, если оно оказывалось около его губ. Они целый вечер смеялись и хихикали, как дети, влюбившиеся впервые в жизни.

— Ты — моя безграничная любовь, Кевин Бейли, — говорила она, касаясь губами его губ.

— Ты — моя безграничная любовь, Ханна Бейли, — отвечал отец, обхватывая ее талию.

Они любили друг друга настолько сильно, что ни одна сказка не могла описать этого.

Когда отец умер — в разгар августовского дня годы назад, — часть мамы умерла вместе с ним. Тогда я вспомнила, что однажды читала роман, где автор сказал: «Ни одна половина на свете не покидает этот мир в одиночку, она всегда забирает с собой часть второй своей половины». Я возненавидела то, насколько он оказался прав. Мама месяцами не поднималась с постели. Я каждый день заставляла ее есть и пить, надеясь, что она не потухнет в своей печали. До того как она потеряла мужа, я никогда не видела ее слез и, находясь рядом, старалась не показывать своих — это могло расстроить ее.

Я всегда плакала, оставаясь одна.

Когда она наконец встала, через пару недель пошла в церковь вместе со мной. Мне было двенадцать, и все, что я чувствовала, — это полная растерянность, ведь мы никогда не молились, пока не происходили какие-нибудь ужасные вещи.

Наши походы в церковь не продлились слишком долго, потому что однажды мама громко назвала Господа лжецом и сказала, что презирает тех, кто посвящает подобного рода обману и пустым обещаниям земли обетованной свое свободное время.

Пастор Риз попросил нас какое-то время не приходить в церковь, позволить времени загладить ее чувство утраты.

Мне и в голову не приходило, что людей могут изгнать из храма божьего, пока этого не случилось с нами. Пастор Риз говорил, что здесь рады всем и каждому, мне же казалось, что он кривил душой: церковь очень избирательна в том, что касается «каждого», и тем более в том, что касается «всех».

У мамы появилось новое увлечение: регулярная смена мужчин. С некоторыми она спала, других использовала, чтобы проще было оплачивать счета, а третьих держала подле себя, потому что ей было одиноко, а они чем-то напоминали ей отца. Некоторых она даже называла его именем.

Сегодня на парковке перед нашим маленьким домом появилась машина. Это был темно-синий автомобиль с блестящим металлическим каркасом. Салон ярко-красный, словно спелое яблоко, а за рулем мужчина с сигарой, зажатой в зубах. Мать сидела у него на коленях. Этот мужчина выглядел так, словно только что сошел с постера 1960-х. Мать тихо хихикала в ответ на то, что мужчина шептал ей на ухо, но это был совершенно не тот смех, который она всегда дарила отцу.

Он был неестественным, немного пустым и самую малость грустным.

Я смотрю и вижу миссис Джексон в окружении других сплетниц, которые то и дело указывают на маму и ее мужчину-этой-недели пальцами. Хотелось бы оказаться около них, чтобы сказать им, чтобы они заткнулись, но они были в добром квартале от нас. Даже дети, которые играли в мяч на улице, ударив по нему еще несколько раз, прекратили

игру и уставились широко раскрытыми глазами на маму и этого мужчину.

Автомобили, которые стоят столько, сколько стоит его машина, никогда не проедут по улице, подобной нашей. Я столько раз пыталась убедить маму переехать в место по-лучше, но она категорически отказывается. Думаю, в первую очередь потому, что они купили этот дом вместе с отцом.

Наверное, она до сих пор не может его отпустить.

Мужчина выдыхает облако дыма в лицо маме, и они вме-сте смеются. На ней ее лучшее платье, желтое, открывающее плечи, обтягивающее талию и расклешенное книзу. Она на-носит так много косметики, что ее пятьдесят тут же пре-вращаются в тридцать. Она красива и безо всей этой мазни на лице, но считает, что немного румян превратят даже девочку в красивую женщину. Жемчуг на шее раньше при-надлежал бабушке Бетти. Она никогда не надевала его на встречи к незнакомцам, сегодня это произошло впервые, и я задаюсь вопросом — почему?

Внезапно они оба смотрят в мою сторону, и я прячусь за столб крыльца, с которого наблюдала за ними.

— Лиз, если ты планируешь и дальше шпионить, то хотя бы прячься лучше. А теперь подойди и познакомься с моим другом, — кричит мама.

Я выхожу из-за столба и подхожу к ним. Мужчина выпу-скает еще один клуб дыма, запах бьет по ноздрям, пока я рас-сматриваю его седеющие волосы и темно-голубые глаза.

— Ричард, это моя дочь, Элизабет. Друзья называют ее Лиз.

Ричард внимательно осматривает меня с ног до головы, да так, что я и человеком себя не чувствую. Он изучает меня, как фарфоровую куклу, как будто хочет, чтобы я разлетелась на куски, а я изо всех сил стараюсь не показать своей непри-язни, но она все равно просачивается, несмотря на то, что я опустила глаза.